

10 класс

I. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (по выбору)

Вариант 1

Прочитайте рассказ Андрея Волоса «Калитка» и напишите на него рецензию, опираясь на следующий план:

1. Библиографическое описание произведения (автор, название, год выпуска) и краткое (в одном-двух предложениях) изложение его сюжета;

2. Комплексный анализ текста:

– смысл названия;

– особенности композиции;

– мастерство автора в изображении героев;

– индивидуальный стиль писателя.

3. Аргументированная оценка произведения:

– основная мысль;

– актуальность произведения.

Андрей ВОЛОС

Калитка

Рассказ

Опубликовано в журнале Октябрь, номер 2, 2014

Андрей Волос родился в Душанбе. Окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. Губкина. Публикуется в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Знамя» и др. Автор нескольких романов и книг рассказов. Лауреат международной литературной премии «Москва-Пенне» (1998), Государственной премии РФ (2000), «Русский Букер» (2013). Живет и работает в Москве.

Два раза в год он выбирает сухой солнечный день – один, как правило, в первых числах мая, другой в начале октября.

Встает рано и тут же, только как следует прокашлявшись и покурив, начинает собираться.

Зайди речь о каких-нибудь полноценных сборах, дело могло бы серьезно затянуться: в тесной квартирке всегда все не на месте и за каждой мелочью приходится по-собачьи рыть по всем углам.

Начнет что-нибудь искать. Потыркается в комнате, подвинет пару стульев с наваленными на них ворохами одежды, повалит туда-сюда груды тряпья на двуспальной кровати (давно уж не используется по назначению: спать он завел в кухне на куцей кушетке, для укрывки приспособив засаленный бушлат – в нем Маша выводила Жульку, покуда та не нажралась крысиного яда). Заглянет под диван, не потревожив молчаливую стаю мохнатых зверьков свалявшейся пыли. Пошарит в полупустом шкафу, откуда сиротски выставился рукав не доеденного молью коричневого пальто. Бросит дверцы нараспашку, раздосадованноматкаясь, выйдет на замусоренную кухню, там оглядится. Даже в санузел заглянет – нету. В конце концов плюнет – и возьмет вместо искомого нужного то, что хоть каким боком подходит.

При жизни Маши то ли ничего похожего не было, то ли он просто не замечал. Во всяком случае, ни в каких сборах никогда не участвовал: все как-то само собой проворилось. Даже, скажем, на рынок Маша пошлет в воскресенье за картошкой, и то: он еще в подштанниках путается, а в прихожей уже сумка стоит и кошелек с деньгами под расчет с самого верху.

Но, как жены не стало, все почему-то очень быстро устроилось именно так – нечисто, бестолково и неряшливо.

В общем, собирайся он по случайному делу, убил бы полдня, а к вечеру понял, что так и не собрался. Есть у него такое в характере.

Бывало, возьмется лампу перевесить. Дело нужное, давно уж просится: на прежнем месте только в глаза лупит и никакого толку, а на новом будет как раз. Полезет в кладовку за отвертками, шурупами, молотком, глядь – а там все завалено черт знает чем. Не то что инструмент найти – повернуться нельзя.

Начнет разбирать. Выставит в прихожку все подряд, начиная с пустых банок, кончая велосипедными колесами. Естественно, в который уж раз придет мысль соорудить полки. Ну и правда, надо наконец все привести в порядок, а иначе зачем упорядочивать, если через пять минут снова захлამится. Сказано – сделано. К затее нужно примериться: доски, гвозди, прочая машинерия. Дело нехитрое, только, если уж заводиться, надо бы и водопроводный стояк передвинуть ближе к стене, а то какие полки, когда от этих труб никакого житья. Взойдет к Василию тремя этажами выше – Василий сантехник, много чего дельного может посоветовать. Одна надобность другую за собой потянет, другая – третью.

В общем, возвращается Маша оттуда, куда он с ней не поехал, сославшись именно на занятость, тут ей подарок – в квартире разгром, лампа на прежнем месте, пьяный муж храпит на диване...

Но сборы, о которых речь, просты и определены, с ними он справляется легко. Расходную часть снаряжения составляют несколько кусков хлеба, соленый огурец, два вареных яйца и четвертинка «Путинки». А необходимый инвентарь, то есть ржавый секатор, огородный совок и граненый стакашек, чохом завернутые в замызганную красную тряпку, от раза до раза лежит в отведенной к тому старой сумке, исправно служившей даже еще и с поломанной молнией. Когда оторвались ручки, он, использовав обрывок ремня и метра четыре черной изоленты, починил так, будто только из магазина. Но Маша неуступчиво заявила, что ей с такой стыдно людям в глаза смотреть. Купили бордовую, и до сих пор его томит смутное сомнение, стоило ли тратиться: с обновкой Маша успела походить года четыре, не больше. А потом бордовую сумку забрала дочь – дескать, эта совсем нехоженная, а у нее самой на ладан дышит.

Собравшись, он еще минут десять толчется в прихожей, по сто раз проверяя, все ли на месте. В конце концов выходит на площадку и запирает дверь. В руке поклажа, штаны какие есть (хотя смутно припоминается, что где-то валяются другие, серые – да разве найдешь), пиджак тоже какой есть, не в цвет, и хорошо еще, если правильно застегнут. Оба кармана оттопырены – в одном сигареты, спички, ключи, очки и пенсионное удостоверение, в другом дармовая газета – зачем-то суют иногда в ящик. Живот торчит высоко – как у беременных, когда ждут мальчика. На ногах потерявшие цвет ботинки, на голове розовая бейсболка – взялась невесть откуда года два назад, когда любимая кепка куда-то, черт ее знает, делась.

А уже входя в стеклянные двери метро, вспоминает, что хотел побриться на дорогу, да только хмуро посмотрит, поймав невзначай свое мимолетно-вертлявое отражение, и недовольно потрогает седую щетину.

Автобус от «Планерной» идет раз в сорок минут. Если опоздал на предыдущий, не так уж много времени уйдет дожидаться следующего. Даже и лучше: заберешься одним из первых, сядешь у окна, расположишь сумку на коленях, переведешь дух, разглядывая теснящихся у дверей, – благодать.

Как почти на всякого человека, ровное движение оказывает на него умиротворяющее действие.

Дома скучно и тягостно. Кубатура нежилого воздуха, пыль, плесневелые бумажки в холодильнике, запах несвежих тряпок. Куда ни ткнешься, все назойливо и нудно, и маячит, и повторяется, будто надеясь в конце концов убедить, что кроме тусклого состояния совершенной никчемности ничего на свете не бывает и быть не может.

А в дороге хорошо и можно наконец подумать.

Он смотрит в окно, но не замечает, как стеклистые обрывы многоэтажек сменяются курчавой желтизной парка, а на смену парку является пустырь и заправка у полосы отчуждения. Миновали заправку – неспешно выезжает горбыль эстакады, под которым тянутся разноцветные пирожки бесчисленных машин. А потом снова улицы и дома.

Все это он видел тысячу раз, нет никакой нужды разглядывать заново, и потому он не обратит внимания, что справа вырос дом – а в прошлый раз не было; слева корявились приземистые склады – а теперь их как корова языком слизнула – и вместо них громоздятся бордово-синие корпуса.

Вместо унылой городской сиюминутности перед его глазами мелькают, как вспышки фар за штaketником, образы его памяти.

Конечно, все это обрывки, лоскутки, из которых не выкроишь ничего даже самого завалющего: покрутишь в руках, перебирая, да и отложишь в сторону, так и не уяснив определенно, что они значат: например, счастлив был их владелец или нет.

Да он и сам бы этого определенно не сказал. А может, и вовсе бы не понял вопроса, а в качестве ответа пустился в рассуждения насчет того, как складывалась жизнь. Что он и в армии свое отбухал, и в заводе сколько лет, и три года в профкоме, и дочь у него школу путем кончила, а то, что замуж неудачно, так от такого никто не гарантирован – оглянись вон, вообще за голову схватишься. То есть начал бы, пожалуй, буровить и умничать, и смысл заданного ему простого вопроса напрочь потерялся бы в путанице бессмысленных рассуждений.

Но сейчас, когда он едет в автобусе, невидяще скользя взглядом по очертаниям иллюзорного существования, а вспоминая то живое и полнокровное, что было его жизнью, оно, это невзначай вспоминаемое (пусть в никчемных обрывках и лоскутках), незаметно делает его счастливым: он забывает, откуда выехал и к чему приедет, не помнит, что провожало его утром и с чем придется встретиться вечером.

Он едет в автобусе, глядя в окно и не различая того, что тянется мимо. Да и черт с ним, зачем оно? Но зато увидит яркую вспышку – как будто вчера! Она потянет за собой другую, отделенную, может быть, от первой десятком лет... потом третью, четвертую...

Между высверками прошлого нет никакой связи – ни логической, ни чувственной. Их объединяет только то, что все это происходило с ним.

Почему выскакивают именно они, почему именно в такой последовательности, что несет в себе их чередование – на подобные вопросы нет и не будет ответа. Пляшут себе, вот и все: то одно мелькнет перед глазами, то другое.

Среди этих мельканий, этих вспышек памяти попадают и такие, что, если б знать, что они появятся, лучше было вовсе никуда не ехать: тогда бы они, глядишь, никогда не показались на глаза. Он их стыдится, они жалят его, мимолетно жгут и мучат, и он, сам того не замечая, негромко кряхтит всякий раз, как вдруг натывается, и шепчет что-то, невидяще глядя в стекло.

И все равно: даже самое мучительное, самое жальщее наполняет его уверенностью, что он жил когда-то, а раз когда-то жил и еще не умер, следовательно, жив и сейчас.

Автобус привозит к самым воротам, где цветочная торговля и выставка памятников. Чуть дальше можно взять лопату под залог сотенной – только запиши фамилию.

Погода хорошая – солнышко пригревает, облачка плывут по синеве, дождя ничто не предвещает, так что и спешить особо некуда.

Неся в одной руке сумку, в другой лопату, он неторопливо идет по главной аллее. Справа и слева большие участки для богатых. Тут все честь по чести: золотом по мрамору. Есть и такие, где на черных камнях внушительных монументов не выбиты ни имена, ни даты – стало быть, загодя люди себе приготавливают.

Ну и ладно, приготавливают и приготавливают, кому какая разница. Сам он не верит не только в загробную жизнь, но даже и в необходимость сколько-нибудь пышного упокоения. Однако обиденный ход вещей уготовил ему приличное место возле жены – ну а куда еще, тут и положат, когда время придет, – и, вопреки безверию и наплевательству, перспектива ему нравится.

Свернув с главной аллеи, он оказывается в основной части кладбища. Здесь как в метро: оградка к оградке, едва протиснешься. Добравшись до своего квадрата, отсчитывает шесть рядов от дальнего угла и движется между шестым и седьмым, чтобы добраться до нужной могилы. И вечно ошибается: не шесть нужно было отсчитывать, а девять. Но, немного поплутав, выходит наконец к тому, что ищет.

Понятно, что трава разбушевалась: скамейки вообще не видно, а столик и мраморный параллелепипед памятника – до середины. Плющ заглох еще в прошлом году (а не заглох бы тогда, так его сейчас бы осот забил), но под зиму сажать нет смысла – сделает весной.

– Ну здравствуй, Маша, – деловито говорит он, ставя сумку к низкой, с полколена, оградке.

Раскручивает проволоку, которой замкнута калитка, распахивает и заходит внутрь своего квадрата.

Снимает пиджак, берет в руки лопату.

Чуть не час орудует, срезая траву острием. Когда повсюду в ограде становится видна одна только вся в елочку разжужьянная земля, сгребают порубленные стебли. Давно бы надо обзавестись грабелями, да все что-то никак. Выносит охапку на пересечение аллей, где стоит бак. Бак всегда полон мусором – той же травой с других могил, старыми венками, какими-то тлелыми деревяшками. Валит сверху свое (большая часть сползает), отряхивает ладони, шагает назад.

Дело сделано.

– Ну что, Маша...

Смахивает со столика труху, шаркает по скамье ладонью.

Выкладывает на газетку припас. Хлеб с одного боку, огурцы с другого. Чистит яйцо, другое покамест сдвигает к хлебу. Дует в стакашек, смотрит на свет. Неспешно скручивает четвертинке блестящую голову, наливает.

– Ну вот, Маша, – торжественно говорит он, кивая. – Спи спокойно. На помин души, как говорится.

Выпивает и закусывает. Потом начинает говорить.

Слушатель терпелив, и он рассказывает все подряд и без спешки, не боясь наскучить. Что к чему у него самого. Как там у Верки. Как ее оглоеды ей жизни не дают: выросли балбесы и хоть ты что. Ну и всякое такое. Между делом жалуется на соседку, называя ее «твоя-то Люська».

С Люськой у него давно разлад, даром что с Машей они были не разлей вода, а он, значит, Машин муж, и все понятно. Но вскоре после похорон он как-то с пьяных глаз сказал Люське, что Маша его предала. Так и заявил: «Всю жизнь бок о бок, а она возьми и сдохни».

Именно этого слова Люська уже сколько лет не может ему простить. А ведь он вовсе не по небрежению к Маше и не из желания что-нибудь принизить. Просто хотелось тогда как-то пободрее, что ли. Что-то определенное: мол, что ж делать, коли так вышло, живым-то жить, никуда не денешься.

Но Люська ничего этого не поняла. Он и потом пытался с ней поговорить, растолковать, что к чему, – так и слушать не хочет. Что с нее возьмешь, дура и есть дура.

Нажаловавшись, допивает остатки и соловет. Сидит подремывая, уронив руку с погасшей сигаретой.

Когда приходит пора собираться, он вяло складывает в сумку остатки припаса, заворачивает в тряпку инвентарь и стакашек.

Еще несколько минут сидит, вздыхая, сморкаясь, пожевывая и передергивая плечами, как будто о чем-то раздумывая.

– Да, – время от времени говорит он. – Вот так, значит... Да...

А потом вдруг какая-то неудержимая сила сталкивает его со скамьи. Прижавшись к памятнику лбом, он стоит на коленях, повторяя раз за разом:

– Не бросай ты меня, бога ради! Не оставляй ты меня, Машенька! Ну сама подумай, как я тут без тебя буду?..

И что он хочет этим сказать, совершенно непонятно.

Но в конце концов тяжело поднимается, вытирает глаза и нос, оглядывается, хлопает по карманам.

Вздыхает.

Закрывает калитку ограды.

И шагает прочь, машинально раздумывая о ней.

Никчемная калитка-то. Бесполезная.

Ну и впрямь, зачем она, если можно перешагнуть.

Вариант 2

Выполните целостный анализ стихотворения Беллы Ахмадулиной «Игры в шалости», опираясь на следующие особенности анализа лирического произведения: тематику, эмоциональную окраску, образный ряд, композицию, изобразительно-выразительные средства, особенности в изображении лирического героя, ритмическую организацию произведения, связь всех элементов стихотворения с ведущей авторской мыслью, смысл отсылок к пушкинским произведениям.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Белла Ахмадулина Игры и шалости

Мне кажется, со мной играет кто-то.
Мне кажется, я догадалась – кто,
когда опять усмешливо и тонко
мороз и солнце глянули в окно.

Что мы добавим к солнцу и морозу?
Не то, не то! Не блеск, не лёд над ним.
Я жду! Отдай обещанную розу!
И роза дня летит к ногам моим.

Во всём ловлю таинственные знаки,
то след примечу, то слышу речь.
А вот и лошадь запрягают в санки.
Коль ты велел – как можно не запретить?

Верней – коня. Он масти дня и снега.
Не всё ль равно! Ты знаешь сам, когда:
в чудесный день! – для усиления бега
ту, что впрягли, ты обратил в коня.

Влетаем в синеву и полыханье.
Перед лицом – мах мощной седины.
Но где же ты, что вот – твоё дыханье?
В какой союз мы тайный сведены?

Как ты учил – так и темнеет зелень.
Как ты жалел – так и поют в избе.
Весь этот день, твоим родным издельем,
хоть отдан мне, – принадлежит Тебе.

А ночью — под угрюмо-голубою,
под собственной твоей полулуной —
как я глупа, что плачу над тобою,
настолько сущим, чтоб шалить со мной.
1 марта 1981, Таруса

Белла (Изабелла) Ахатовна Ахмадулина (1937—2010) — поэт, переводчик, одна из самых популярных авторов-шестидесятников. Выпустила сборники стихов «Струна» (1962), «Уроки музыки» (1970), «Свеча» (1977), «Тайна» (1983), «Сад» (1989) и др. В творчестве Ахмадулиной большое место занимали поэтические и прозаические размышления о Пушкине и Лермонтове.

II. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

В литературе немало героев, которых трудно назвать положительными, но их популярность у читателя бьет все рекорды. Кого из такого типа персонажей вы назвали бы прежде всего (3 героя)? В чем секрет привлекательности каждого из них, что, может быть, их объединяет? Напишите эссе на эту тему, дав ему свой заголовок, не забудьте о необходимости аргументировать свою мысль с помощью примеров из произведений.